

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Володина Дамира Зулькарямовича на тему: «Эволюция экологического сознания: от утопии к науке», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности: 09.00.11 – социальная философия.

В последние десятилетия среди глобальных проблем, угрожающих самому существованию человечества, особое внимание уделяется резкому ухудшению окружающей среды в результате загрязнения атмосферы, гидросферы, литосферы и педосферы, разрушения природных ландшафтов, сокращения биоразнообразия и деградации экосистем, глобального потепления и т. д. Во всем мире ее обычно называют проблемой состояния окружающей среды, а поиски решения породили мощное движение инвайроментализма, или энвайроментализма (от слова 'environment' – окружающая среда). В русскоязычном пространстве его принято называть экологическим движением, строящимся на различных трактовках самой экологии. В нее помимо традиционных для биологов ауто- и синэкологий включают огромное количество разных областей знаний от «экологии сточных вод» до «экологии культуры» и даже «экологии любви». Широкое распространение получили такие термины как «экологическое мировоззрение», «экологическая культура», «экологический стиль мышления», «экологическая мораль», «экологическая этика», «экологическое право» и прочие формы общественного сознания. В совокупности они образуют гетерогенную сферу идей и концептов, обозначаемую как *экологическое сознание*, социально-гносеологический статус которого неясен и требует историко-философского и методологического осмысления. Экологическое сознание обычно характеризуют как понимание связи человечества с природой и зависимости его дальнейшего существования от сохранения основных параметров окружающей среды, а также использование этого понимания в практической деятельности.

В связи с этим предпринятое Д.И. Володиным исследование представляется важным и актуальным. Его теоретическая и практическая значимость очевидна. Поставленные цели и задачи выполнены, и результаты в целом обоснованы. Основные положения, выносимые на защиту, интересны для специалистов разных отраслей знаний.

Автор показал необходимость многофакторального анализа экологического сознания, которое в силу неоднородности и эклектичности включает элементы науки, религии, мифологии, а также психологические и этические компоненты. В диссертации выявлены основные пути становления экологического сознания, включая алармистские, эскапистические, пессимистические, оптимистические и нейтралистские модели. Оправданными выглядят попытки диссертанта рассмотреть экологическое сознание в исторической динамике его становления и функционирования в современном социокультурном контексте, а также стремление показать его структурную неоднородность. Не вызывает возражений и оценка диссертантом различных современных проектов выхода из экологического кризиса как своеобразных утопий. Вряд ли кто будет возражать, что философское осмысление феномена экологического сознания невозможно без учета сложного комплекса естественных, социально-экономических и гуманитарных наук с использованием методов феноменологии, герменевтики, диалектики и структурно-функционального анализа. Продуктивна и постановка вопроса о том, не являются ли самые «свежие концептуальные построения в сфере экологического

by 09/2-106 от 02.04.2019

сознания» лишь вариациями постулатов марксизма о взаимодействии природы и человека в разных общественно-экономических формациях (стр. 37).

Достаточно подробно и содержательно проанализированы наиболее характерные, хотя зачастую противоположные по смыслу и формам различные экологические движения – «зеленые», «научные», «сеть спасения тайги», «анастасийцы» (с. 176–178, 185–187). Также это создание разного рода поселений – как альтернативных современной цивилизации (экопоселения и родовые общины в России), позиционирующих свою автономность от властей (с. 179–187), так и «экологически чистых» городов в Южной Корее и ОАЭ (с. 188–189). В конечном счете, все эти движения и проекты оказываются связанными с мифологией или религией, и нет оснований считать их и пропагандируемое ими экологическое сознание научно обоснованными. В основе современных попыток сформировать экологическое сознание имплицитно заложено противопоставление «социального прогресса и регрессивных явлений» в природе (с. 175), что представляет собой атрибут практически любого мифа.

Все это отражено в основных положениях, выносимых на защиту. Тем не менее, по некоторым из них хотелось бы получить разъяснения. В первом положении под экологическим сознанием понимается специфически тематизированная размерность индивидуального и общественного сознания, сложившаяся «как реакция на проблему постиндустриального, глобального техногенного общества» (с. 16). Если это так, то почему его возникновение приурочено к началу XX в., когда до глобального техногенного, а тем более постиндустриального общества остается более полувека? Ведь еще в 1973 г. Д. Белл, благодаря которому концепция постиндустриального общества получила признание, писал о нем как о грядущем будущем.

Элементы экологического сознания, конечно, складывались в течение всей истории человечества. Поэтому оно сейчас и выглядит столь гетерогенным. Но временная динамика доэкологических типов сознания и время появления самого экологического сознания остаются уж совсем неясными после прочтения заключительного положения, выносимого на защиту. В нем говорится, что структура глобального экологического сознания к началу XXI в. «сформирована слабо» и включает разнородные элементы (с. 17). Все-таки начало XX и начало XXI в. – это разные эпохи. И если экологическое сознание – это феномен начала XX в., то какие метаморфозы оно все-таки испытывало в течение ста лет. Объяснения этого противоречия между первым и заключительным положениями я не нашел. Возможно, дата появления экологического сознания где-то указана ошибочно.

Интересной представляется предлагаемая автором типология экологического сознания и выявленная им стратификационная неоднородность его компонентов. В то же время остается не совсем проясненным, в чем различие между эгоцентрическими и натуралистическими модификациями, что такое «неприсоединившиеся» модификации, и сколько их. Не вызывает сомнения наличие мифологических и религиозных компонентов в экологическом сознании, хотя их дифференциация не всегда проведена четко.

Статус современного экологического сознания определен как элемент массовой культуры (с. 14). Здесь вряд ли есть какая-то его специфичность. Достаточно тривиален вывод о связи «экологического сознания с современными глобализационными процессами» (там же). Вряд ли его стоило включать в основные результаты исследования. Их и так много – восемь, чего с лихвой хватило бы для докторской диссертации.

Ряд соображений по разделам «Историко-философская проблематизация экологического сознания» (ч. 1.2) и «Экологический дискурс: рефлексии и современный контекст», представляющим собой беглый историко-философский обзор от античной философии до философии Нового времени (с. 49–61), немного дает для понимания истории формирования компонентов экологического сознания. Их краткие характеристики теряются в изложении онтологических, гносеологических, логических, этических, эстетических воззрений целого ряда крупных философов и религиозных мыслителей прошлого. Как представляется, было бы целесообразнее сконцентрировать внимание на ключевых фигурах в разработке именно исследуемой проблемы, как это сделано относительно Платона (с. 51), в произведениях которого впервые была поставлена проблема экологии и сформулирована – в частности, в «Тимее» – идея баланса природы. Этапы формирования компонентов самого экологического сознания остались за скобками, так как все внимание диссертанта уделено традиционным трактовкам соотношения бытия и сознания в различных философских и теологических системах.

В результате интересная классификация о пяти основных типах связи человека и реальности – натуроцентрическом, антропоцентрическом, теоцентрическом, технократическом и гармонически-проективном (с. 87–91), – не воспринимается как итог историко-философского исследования. Особенно если учесть, что, по мнению автора, «остроту и теоретически узнаваемые очертания экологическая проблематика приобретает только в середине XX века», а сам разрыв человека с окружающей средой «особенно обостряется к концу столетия» (с. 91). Остается неясным, насколько был необходим столь долгий исторический экскурс, если проблема стала важной якобы только к середине прошлого века. Далее оказывается, что существует пять форм экологического сознания (с. 108–110), которые, по сути, совпадают с основными типами связи человека и реальности, но немного отличаются по названию: вместо натуроцентрической – природоцентристская, вместо антропоцентристской – антропоморфическая. Если эти характеристики как типов связи человека и реальности, так и форм экологического сознания по существу совпадают, как следует из текста, то нужны ли эти различия в названиях?

Соглашаясь с выводом автора об утопическом характере различных проектов по выходу из экологического кризиса, я хотел бы все-таки узнать, считает ли он сам кризис реальным или только «декларируемым» (с. 13). Даже в России, где на огромной территории проживает всего 145 млн чел., биоразнообразие за последние 70 лет резко сократилось, особенно в индустриальных районах Поволжья и Урала. В перенаселенной же Индии, как это я также наблюдал лично, природы в прежнем смысле слова уже нет, и жизнь большинства людей ужасна. И что с этим делать, лично у меня нет ответа. Но очевидно, что не вошедшие в «золотой миллиард» рано или поздно найдут способ уничтожить столь несправедливый мир. Все более организованный терроризм – свидетельство этого.

Есть в диссертации досадные ошибки и пропуски при описании «генезиса научного типа экологического сознания». Во введении указано, что Э. Геккель предложил термин «экология» в 1886 (?) для обозначения «новой науки об адаптации организмов к климатическим условиям, через сто лет приобретшей относительно независимые предмет и объект» (с. 7). Это не точно. Проблемой адаптации организмов к климату естествоиспытатели занимались задолго до Геккеля, но она была тогда задачей систематики и биогеографии. На с. 126 ошибки в дате введения термина нет (1866), но

при этом сказано так: «представление об экологии как об области знаний, представление о которой введено первоначально Э. Геккелем (1866 г.), представляло собой круг локальных концепций, обладающих, к тому же, множеством интерпретаций, хотя и было малоизвестно» (курсив мой, он показывает склонность автора многократно использовать однокоренные слова в одном предложении). На самом деле экологическая проблематика и ее теоретические интерпретации формировались задолго до Геккеля и составляли суть естественной истории. Да и сам Геккель трактовал экологию в современном смысле.

Еще в XVII в. А. Левенгук способствовал формированию экосистемных представлений о пищевых цепях, потенциальной размножаемости наземных позвоночных с целью поиска способов борьбы с грызунами, о связи экологических рас животных с их жизненными циклами. В 1713 г. сподвижник И. Ньютона У. Дирхэм (W. Derham) в своей «Физико-теологии» наглядно показал связь между естественной теологией и будущей экологией, употребляя термин «баланс природы» в современном смысле. Составленные им таблицы свидетельствовали, что экспоненциальный рост всех видов, включая человека, не реализуется из-за ограниченности земного пространства и лимитируется пищевыми ресурсами и хищничеством. Труды Т. Мальтуса, А. Кэтле, П. Ферхульста, Р. Перля в конце XVIII – первой половине XIX в. заложили математические основы для изучения популяционных процессов, позволившие в XX в. создать популяционную экологию, которой диссертант уделяет особое внимание (с. 128–130).

Для развития экосистемных представлений естественной истории особое значение имели труды К. Линнея и Ч. Лайеля. Линнеевское выражение «экономия природы» (1749) оказалось настолько удачным, что до сих пор используется в названиях монографий и учебников по экологии. Введенные им концепции «экономии природы», «политики природы» «баланса природы» подчеркивали сходство между устройством общества и органическим миром. Они сыграли исключительную роль в формировании экологии, указывая не только на приспособленность видов к климатическим факторам (горизонтальные связи), но и на их встроенность в пищевые цепи (вертикальные связи). Благодаря Линнею жизнь на Земле предстала в виде циклов, выступающих организующим началом порядка природы. Порядок и преемственность в циклах Линней подробно демонстрировал на растительных объектах. Фактически Линней построил законченную концепцию общей экологии, повлиявшую на многие исследования в области естественной теологии и естественной истории, особенно в Великобритании в сочинениях У. Пейли и Ч. Лайеля. Как науку о всех отношениях организмов со средой, как «экономия природы» трактовал экологию и Геккель в книге «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*» (1868).

В связи с этим трудно согласиться с тем, что только к началу 1920-х гг. начинается формирование экологической проблематики. На двух страницах своего основополагающего труда «*Generelle Morphologie der Organismen*» (Bd 2, S. 286–287) Геккель дал характеристику экологии как науке о «доме природы» или «домашнем хозяйстве природы» (Haushalt), как о «физиологии, изучающей взаимодействия организмов со средой и друг с другом». К тому времени естествоиспытателей, особенно ботаников, уже интересовало не столько географическое распространение видов, сколько физико-климатические и химические причины именно такого, а не иного их распределения, факторы их группировок в различного рода «ассоциации» или «формации», а также их классификации. В 1877 г. К. Мебиус предложил термин «биоценоз», а К. Шретер в 1896 г. – специальные обозначения для двух основных разделов этой науки: «аутэкология» и «синэкология», которые к тому времени

окончательно обрели свои предметы и объекты исследования. Одним из первых обоснований концепции сообщества стала статья С. Форбса «Озеро как микрокосм» (1887), а изучение ассоциаций растений ботанико-географы стали именовать фитосоциологией или фитоценологией, ставшей ключевой в изучении экосистем.

Таким образом, к началу XX в. сложились основные разделы экологии как самостоятельной отрасли знания, и началась ее институционализация. Выходят монографии и учебники, в названиях которых есть слово экология: «Методы исследования в экологии» Ф. Клементса (1905), «Руководство к изучению экологии животных» Ч. Адамса (1913). В 1913 г. было создано Британское экологическое общество, в 1915 г. – Американское, начинают издаваться их журналы. Вскоре были предложены важнейшие понятия и методы экологии, сформулированы ее основные концепты, выработаны методологические подходы для экспериментальных и полевых исследований. Сложились две парадигмы современной экологии: популяционная и экосистемная, в то время как аутоэкология в чистом виде отошла на второй план. К сожалению, экосистемная экология в диссертации оказалась несколько отодвинута на второй план. В ней нет упоминаний о таких выдающихся отечественных и зарубежных экологах, как Д.Н. Кашкаров, Ф. Клементс, Е.М. Лавренко, Л.Г. Раменский, А.К. Пачоский, В.В. Станчинский, В.Н. Сукачев, А.П. Шенников, Ч. Элтон и др. Один из основателей продукционной гидробиологии Г.Г. Винберг (с. 8) упомянут, да и то с ошибкой. Между тем обращение к их трудам позволило бы лучше понять ключевые моменты «генезиса научного типа экологического сознания» и его современное состояние.

Забыты и ключевые фигуры становления и развития самого научного экологического сознания. Между тем уже автор первого эволюционного учения Ж.Б. Ламарк (1809) отмечал, что силы человечества стали столь велики, что существует опасность уничтожения им самого себя и окружающей среды. Создатель исторической геологии Ч. Лайель признавал, что влияние человека на геологические процессы нарушает принцип неизменности законов природы (1830–1831, 1863). Для формирования экологического сознания в России особое значение имел перевод книги Г. Марша «Человек и природа» (1866), в которой обобщен огромный материал о разрушительных последствиях производственной деятельности человека для живой природы и климата. В ней говорится, что продолжение необдуманной эксплуатации природных ресурсов грозит существованию самого человека. Эта проблема активно обсуждалась отечественными геоботаниками, лесоводами, почвоведом (В.В. Докучаевым, Г.Н. Высоцким, Г.Ф. Морозовым и др.).

В начале XX в. во всех развитых странах, в том числе и в России, сформировались мощные природоохранные движения, включавшие ученых, педагогов, чиновников, политических деятелей. Накануне Первой мировой войны в России была создана Природоохранная комиссия в главе с членом Государственного совета и бывшим министром А.С. Ермоловым, но реально ею руководил академик И.П. Бородин. В нее вошли выдающиеся ученые разных специальностей: Н.А. Буш, А.И. Воейков, Г.А. Кожевников, Н.И. Кузнецов, Н.В. Насонов, А.П. Семёнов-Тян-Шанский, Ю.М. Шокальский и др. Несмотря на Первую мировую войну и последующие события, в том числе и репрессии, движение не только выжило, но и продолжало всячески противодействовать планам глобального преобразования природы и при И.В. Сталине, и при Н.С. Хрущеве. Об этом подробно рассказано в трудах классика истории советской

экологии Дугласа Вайнера. К сожалению, ни одного из этих трудов, включая изданную на русском языке книгу «Экология в Советской России» (1991), нет в списке литературы. А между тем они помогли бы диссертанту лучше понять генезис и перипетии отечественного экологического сознания.

При анализе работ отечественных философов, изучавших различные аспекты современного экологического сознания, не упомянуты выдающиеся советские биологи и геологи (М.М. Камшилов, С.С. Шварц, Н.Н. Воронцов, А.В. Яблоков, А.Л. Яншин и др.), которые первыми в конце 1960-х гг. стали активно внедрять экологическое сознание в советское общество, настаивая на неотложности решения глобальных проблем взаимоотношения человека с окружающей средой. Именно их труды стимулировали интерес к этой тематике философов – Э.В. Гирусова, Р.С. Карпинской, И.К. Лисеева В.А. Лося, Г.В. Платонова, Б.Г. Юдина.

Есть в диссертации и неточности: например, В.И. Вернадский не мог синтезировать биохимию и историю науки, так как, будучи биогеохимиком, никогда не занимался биохимией (с. 10). Непонятно, почему, скорее всего, одно и то же понятие в пределах трех строчек пишется по-разному, например: «социально-культурное пространство» и «социокультурное пространство» (с. 34), а если это что-то различное, то стоит это пояснить. Но, скорее, это следствие отсутствия должной редакции текста и унификации терминов для одного и того же понятия.

Вместе с тем эти замечания и возражения носят в основном историко-научный характер и не столь существенны при оценке работы по специальности «социальная философия».

Диссертация Володина Дамира Зулькарямовича на тему: «Эволюция экологического сознания: от утопии к науке» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Володин Дамир Зулькарямович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Института
истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Э.И. Колчинский

Дата

02.04.2019

Протокол Д.И. Колчинский
Директор СТОПШЕТ

Луценков Г.А.